

ПОЛИНА
РЕЙ

Ребёнок
для
бывшего

Полина Рей

Ребёнок для бывшего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69785290

0101

Аннотация

– И как часто он её сюда приводит?

Я еле стою на ватных ногах и смотрю на соседку.

– Так считай, как ты из дому, она тут как тут. Хозяйничает.

Хватаюсь за воздух рукой, голова идёт кругом.

– Да не убивайся ты так... Не стоят они того. Ни единой твоей слезинки!

В тот день, когда я узнала о своей беременности, оказалось, что у мужа давно есть любовница.

И что он уходит к ней.

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	22
Часть 3	42
Часть 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ребёнок для бывшего

Автор: Полина Рей

Часть 1

Следы помады на воротничке рубашки мужа, валяющейся на полу; два хрустальных бокала на прикроватном столике; светлые, выкрашенные в платину волосы, лежащие на подушке. Классический набор для недотёпы-жены, которая знать не знала о том, что у её супруга уже давно имеется в наличии любовница. Не та женщина, что стоит у плиты, носит растянутые майки из прошлого столетия, которые жалко выбросить. Не та, которая может позволить себе закрутить нерасчёсанные волосы в гульку и сделать депиляцию раз в месяц. Нет, эта особа совершенно другая. Загадочная, манящая, ухоженная. В ней всегда остаётся какая-то тайна, даже если чужой муж уже знает её всю вдоль и поперёк. Она уверена в постели, она никогда не отказывает. Она не валится от усталости или мигрени в кровать, пока муж в ванной готовится к супружескому долгу. С ней вообще нет этого слова – долг. Ни в одной сфере жизни.

И да – она существует. В том числе, и у моего супруга, с которым мы прожили ни много, ни мало, а шесть лет. Но пока я о ней не знаю.

Сию в кафешке, прижимаю плечом телефон к уху и радостно улыбаюсь, пока жду свою подругу, что должна забрать меня из аэропорта. С ней же и болтаю – о том единственном, о чём сегодня могу говорить.

У меня будет ребёнок.

Нет, не так.

У нас со Славой будет долгожданный малыш. От этой новости, которую узнала лишь вчера утром, хочется прыгать до потолка. Как же это волшебно – чувствовать, что у меня под сердцем мой малыш. Что он – результат той любви, что была между мною и мужем!

– Значит, я единственная, кто знает твою тайну? – В голосе Нади слышится неприкрытая радость за меня.

– Точно. Уже не терпится рассказать обо всём Славе, но я держусь.

– А давай ему как-нибудь интересно это преподнесём, м?

Я морщусь, когда представляю сюрприз для мужа. Нет, исключено. Такого он не любит. Гораздо лучше будет просто сказать ему обо всём за ужином, который, кстати, я так и не успела продумать.

Бросив взгляд на часы, убеждаюсь – если Надька не встрянет в пробку, то всё успею. Подгонять подругу не тороплюсь – и так она сорвалась ко мне из-за города, когда я позвонила утром и сказала, что прилечу через три часа.

– Нет, просто дождусь ужина и сообщу, – решаю окончательно и снова бросаю взгляд на фитнес-браслет.

Как будто вместо минуты уже мог пройти час, а я этого даже не заметила. Впрочем, вижу, как зашкаливает от восторга пульс. Но сейчас это не вызывает беспокойства. Напротив, иного и быть не может.

– Ладно. Буду минут через двадцать, жди. А пока отключаюсь, у меня тут вторая линия прозванивается.

Я завершаю разговор и снова улыбаюсь, когда взгляд находит коляску с сидящим в ней малышом. Он смешно надувает пузыри ртом. Слава бы наверняка сказал, что это неэтично, но, я уверена, муж станет думать об этом в таком ключе ровно до того момента, как у нас появится ребёнок.

За Славой я всегда была как за каменной стеной. Ни в чём не знала отказа, порой чувствовала себя принцессой. Правда, муж был непреклонен в одном – я не должна работать. По крайней мере, так, как это делали все мои без исключения подруги.

«Упахиваться по десять часов? Приходить полумёртвой? И что мне потом с тобой делать?» – усмехаясь, говорил он мне.

А на все возражения заявлял в шутку, что женился не для того, чтобы у него были холодные борщ и постель. Максимум, на чём мы смогли сойтись – я писала пару статей в месяц, за которые мне платили совсем немного денег «на булавки».

И, пожалуй, Слава был прав – сейчас у меня не должно было возникнуть угрызений совести из-за того, что вскоре

мне светил бы декрет. Я вообще могла с первых дней посвятить своё время исключительно беременности и самой себе, разумеется. Мало кто из подруг мог таким похвастаться, значит, я была просто счастливицей.

Надька приехала, как и обещала, через двадцать минут. Я прихватила сумку с вещами и, выбежав на парковку, приземлилась на пассажирском сидении машины подруги.

– Ну ты прям светишься, Ксюх! – восхитилась она, когда мы с ней расцеловались и подруга взяла направление на выезд с парковки.

– Ага, – кивнула в ответ. – Правда дядя Женя расстроился, – скорчила я морщку. – Про ребёнка он не знает, а то мало ли... Так что пришлось соврать, что мне просто нужно срочно возвращаться домой.

Последние пару недель я гостила у дяди. Он был единственным моим родственником, с которым я регулярно встречалась. Родители осели за границей, так что визиты к ним в последнее время были проблематичным занятием, а вот дядя Женя, брат мамы, который был мне практически вторым отцом, регулярно лицезрел свою племянницу. Жил он в паре часов лёта, потому трудностей в том, чтобы добраться к нему, не имелось.

– Ну, как только узнает, что скоро не одна к нему летать будешь, сразу повеселеет, – заверила меня подруга, и я кивнула.

Снова нахлынуло желание прокричать всему миру о том

счастье, которое так неожиданно на меня свалилось. Неожиданно, в том числе, потому, что мы со Славой хоть и хотели детей, но в отдалённой перспективе. В этом плане я была солидарна с мужем. Оба молоды – мне двадцать пять, Славику – двадцать семь. Детьми можно было обзавестись и ближе к моим тридцати. Но сейчас... сейчас я чувствовала всеми фибрами души, насколько правильно то, что со мной произошло.

– В магазин заедем? – кивнула на сетевой гипер, что завиднелся неподалёку. – Могу поспорить, дома у нас шаром покати.

Надька притворно вздохнула и кивнула:

– Заедем. Хотя, кажется, это Славик должен вокруг тебя козликом скакать.

– Ну, он-то пока о ребёнке не знает, – парировала в ответ.

Как выразилась подруга, «козликом скакать» у нас в семье было не принято. Конечно, бытовые вопросы вроде готовки или уборки я взяла на себя. Но если на столе вовремя не было первого, второго и компота, Славик меня не попрекал. Просто брал телефон и заказывал доставку на дом.

– Ладно-ладно. Идём и купим всё для идеального ужина, – проговорила Надя, паркуясь возле магазина, и я устремила из машины, параллельно прикидывая в голове, чем удивить мужа.

Я зачем-то нагребла ещё и то, на что упал взгляд. Несколь-

ко совершенно ненужных сейчас, но таких милых маленьких бутылочек со всякими средствами для ухода за новорождёнными. Наверное, те, кто верил в приметы и всякую подобную чушь, покрутили бы пальцем у виска. Знаю о малыше чуть больше суток, а у него уже имеется, в чём принять первую ванну. Ну что поделатъ, если запах у лавандовой пенки оказался настолько притягательным?

– Да, Теплова... Помолимся за Славика. Кажется, теперь у тебя режим гнездования, а значит, скоро ваша двушка превратится в склад детского приданого, – хихикнула Надя, помогая мне донести до двери подъезда два увесистых пакета и сумку.

– Глупости, – отрезала я, впрочем, не сдержав довольной улыбки.

В голове уже мелькали мысли того, как начну усиленно изучать разные коллекции, скажем, детской мебели. Или одежды. У моего принца или принцессы обязательно будет всё самое лучшее.

– Помочь будущей маме с доставкой этого барахла до квартиры, или справишься? – кивнула подруга на мою поклажу.

Я помотала головой. Как бы ни любила проводить время с Надей за ничего не значащей болтовнёй, сейчас хотелось побыть дома наедине с собой. Ну и с готовкой ужина, конечно.

– Не нужно. Давай лучше завтра встретимся и в кафешку сбегаетъ? – предложила подруге, перехватывая покупки и

роясь в сумке в поисках ключей.

– Идёт, – кивнула Надька и мы с ней, коротко распрощавшись, разбежались.

Я и сама не знала, что заставило меня остановиться возле двери в квартиру и недоуменно нахмурить брови. Вроде обычно просто брала и заходила в дом, а тут... Какое-то дурацкое чувство внутри появилось, которому не было никакого логического объяснения. Страх, что ли? Что вот сейчас переступлю порог и назад дороги уже не будет. Только я не знаю, что меня впереди ждёт. Казалось бы, только хорошее, а на самом деле...

– Так, Ксюша... Хватит выдумывать, – сказала я себе, но стоило мне повернуть ключ в замке и взяться за ручку, как соседская дверь открылась и оттуда высунулась голова любопытной бабы Маши.

Наверное, такие вот «бабы Маши» есть практически в каждом доме, даже больше – на каждом этаже. Меня соседка не раздражала, а вот Славик частенько отпускал про неё шуточки, при этом довольно злые.

– О, Ксения вернулась, – констатировала она.

– Здравствуйте, – ответила бабе Маше. – Как ваши дела?

Она прищурилась и окинула меня таким взглядом, от которого мне окончательно стало не по себе. Как будто знала что-то такое, что пока мне было недоступно.

– Нормально дела, нормально. А у тебя вот, похоже, не очень.

Я вскинула брови. К страху примешалось раздражение и желание защищаться и защищать. Пожалуй, это сказывалось знание о беременности.

– Что вы имеете ввиду? – потребовала ответа таким тоном, чтобы бабе Маше сразу стало ясно – все свои домыслы она может оставить при себе.

– Ничего не имею, – отрезала соседка и прежде, чем пропасть из виду и закрыть дверь, добавила: – Поменьше из дому ездий! Вот тебе мой совет.

Она исчезла из поля зрения, породив во мне новую порцию злости. Сидит у себя безвылазно, вот и надо всё обо всём знать! Лучше бы делами занялась – вон хоть «Поле чудес» бы посмотрела, и то пользы больше.

Вздохнув, я всё же открыла дверь в квартиру и вошла. Поставила пакеты на пол, сумку положила на стул. Надо будет разобрать её сразу, как только поставлю готовиться ужин.

Я завела руки за спину, чтобы убрать волосы в высокий хвост, как делала это всегда, когда возвращалась домой – так было удобнее сразу приниматься за дела. И замерла.

В сердце кольнуло, хотя, никаких видимых причин для этого не было. Кроме одной. По квартире разливался аромат. Нет, не женских духов, или чего-то подобного, что могло навести сразу же на четкие подозрения. В помещении витал запах моего ароматического масла.

Нероли.

И представить, что муж, оставшись дома, принялся за са-

момассаж или, скажем, принятие каждодневных ванн было невозможно. Слава предпочитал для этих целей специалистов в спортивном центре, а в ванной – душ.

А это с очень высокой вероятностью означало одно. В моё отсутствие он водил сюда женщину. А может, и не одну. Какая, к чёрту, разница?

Не разуваясь, я двинулась вперёд. Сразу в спальню, чтобы сходу расставить все точки. Прохлада и полумрак окутали тотчас, когда я оказалась в святой святых любой семейной пары. Всё так же, как и в тот день, когда я уезжала из дома. Даже покрывало постелено так, как это делала я.

Включив свет, я придирчиво осмотрела каждый миллиметр спальни. Ничего. Никаких признаков того, что здесь происходило что-то из ряда вон выходящее.

Это отрезвило и успокоило. Я даже выдохнула и рассмеялась. Может, гормоны уже начали шалить, потому мне и мерещится всякая ерунда?

Ещё раз убедившись в том, что никаких улик нет, я вернулась в прихожую, где и стащила кроссовки. Взяв покупки, направилась на кухню и застыла на её пороге. Снова отчётливый аромат нероли. Здесь он был особенно явственным.

Два пакета приземлились на пол. Я шагнула к кухонному столу. Меня стало мутить, но не потому, что взгляд нашёл что-то, что говорило об измене мужа. Просто концентрация запаха здесь была особенно сильной.

Аромат исходил от резной столешницы тёмного дерева.

Я даже нагнулась, чтобы в этом убедиться. Принюхалась – нероли был повсюду.

Так, Ксюша... снова успокойся. Слава мог просто случайно разлить масло, когда, скажем, добавлял его в резервуар для увлажнителя. Ну или ещё по какой-то иной причине.

Сделав короткий рваный вдох, я размеренно выдохнула вновь. Осмотрелась – почти всюду чисто. Это было довольно странным, ибо муж не особо любил прибираться. Тем более, когда меня не было дома. Оставленные в раковине грязные тарелки вообще были делом привычным. Но не в этот раз.

Мой взгляд упал на аккуратно завязанный пакет с мусором, стоящий так, словно должен был стать напоминанием о необходимости его вынести. Я бросилась к нему, словно голодная собака, и начала ворошить. Мне нужно было увидеть там, скажем, пустую упаковку от лапши быстрого приготовления. Ну, или пластиковый контейнер из-под еды, заказанной через доставку.

Впрочем, почти это я и обнаружила. Только не что-то безлико-белое, а яркое, разноцветное, с симпатичными пандами, украшающими собой коробку с остатками суши. Я встряхнула мусор и убедилась – наборов использованных деревянных палочек было два. А также две соусницы, из которых тут же закапала коричневая жижа.

Меня вновь затошнило. В первую очередь – от самой себя. Сижу на полу, роюсь в остатках чужой еды и ищу то, что убедило бы меня в наличии любовницы у мужа.

Что это? Неужели я была такой всегда? Подозревающей? Нервной? Встревоженной? Отнюдь. Хоть Слава и пользовался успехом у женщин, я была уверена. И в нём, и в себе самой. В том, что буду интересна ему и впредь. И вот теперь какие-то крохотные вещи, вроде разлитого по столу масла и двух пар китайских палочек лишили меня душевного равновесия?

Я с остервенением запихала всё обратно в пакет. Поднялась с пола и, открыв дверцу шкафчика, за которым стояло ведро, занесла руку, чтобы отправить в него мусор. И снова замерла. В него был буквально запихнута одна из моих домашних толстовок, поверх которой лежали пустые створки от устриц...

Что происходило со мной в тот момент, когда я, как помечный пёс рылась в чужих объёдах, трудно описать словами. Однако от увиденной любимой вещи, выброшенной в мусорку, я почувствовала себя так, словно это меня только что отправили на помойку.

Бросив всё так, как оно и было, я мельком заглянула в ванную. На полке лежала небольшая расчёска. В стаканчике стояли две щётки – мужа и незнакомая мне, розового цвета. Также взгляд нашёл дорогой люксовый ночной крем, и на этом всё... Может, были ещё какие-то атрибуты присутствия в моём доме чужой женщины, но я уже не стала их искать.

Найденные вещи удивительным образом... успокоили. Я впала в состояние странного ступора, но при этом мысли мои

выстроились в трезвый логический ряд.

Итак, у Славы была другая. Думая об этом, я направилась в прихожую, где постояла немного, глядя на неразобранную сумку и размышляя, не стоит ли забрать вещи и попросту уйти? Вот так, без объяснений, ссор и скандалов.

Потом мои мысли переключились на любовницу мужа. Судя по всему, она с ним здесь жила, пока меня не было. Или приезжала и оставалась на ночь. Менял ли он их, своих женщин? Или у него была постоянная грелка в постель, заменяющая жену?

Горько рассмеявшись над самой собой, я вышла из квартиры, а через полминуты уже барабанила в дверь соседкиной квартиры.

Баба Маша появилась почти сразу. Открыла мне и, воззрилась со странным выражением на лице, вдруг спросила:

– Знаешь всё?

Это поставило окончательную точку в тех сомнениях, которые ещё оставались. Да и сомнениями их было особо не назвать. Так, отчаянные попытки уцепиться за прошлую жизнь, которая уже никогда не станет прежней.

– Знаю, – кивнула в ответ, как мне казалось, спокойно. – И как часто она здесь бывает?

Я вдруг покачнулась и инстинктивно попыталась уцепиться за воздух. Тело словно жило отдельной жизнью. Мозг пытался фокусироваться на чём-то разумном, а вот оно не справлялось.

– Каждый вечер.

– До этого её не видели? – продолжала я расспросы.

Баба Маша поджала губы и отвела взгляд. Всё понятно.

– Ты как из дому... ну, на время... Она тут как тут. Хозяйничает.

Голова закружилась и я зажмурилась. Баба Маша увещевала меня не волноваться. Говорила, что они не стоят и слезинки. А я представляла себе, как другая женщина живёт в моей квартире и спит с моим мужем в моей кровати, пока меня нет дома... а у меня внутри всё от ужаса полыхало.

– Баб Маш... Позвоните Славе, пожалуйста. Скажите, что у нас из квартиры дымом пахнет, – проговорила я, наконец, взяв себя в руки.

Ждать вечера, когда муж придёт домой, я не хотела. Нужно было решать всё как можно скорее. Хотя, я плохо представляла себе, что будет дальше. Что стану делать, когда вновь увижу Славика.

– Что? – не поняла соседка и даже на нашу дверь покосилась.

– Позвоните Славе и скажите, чтобы срочно ехал домой.

Она снова поджала тонкие губы. Глянула на меня исподлобья. Я понимала – скорее всего, баба Маша не захочет в это лезть. Даже вот так, такими, казалось бы, невинными действиями.

– Ладно, – наконец, решила она и, достав старенький кнопочный телефон из засаленного халата, набрала номер мое-

го мужа.

Через две минуты я снова была в своей квартире. Переступая порог, думала, что начну метаться, словно запертое в клетке животное, но не чувствовала ничего, кроме оглушающей пустоты. Наверное, так было правильно и наиболее сохранно для нашего со Славой ребёнка. Хотя, именно о беременности я сейчас не могла думать от слова совсем.

Сколько так простояла, глядя на себя в зеркало, я не знала. Просто смотрела на посеревшее лицо с россыпью едва заметных веснушек, которые сейчас из-за бледности были почти не видны, и ощущала лишь пустоту.

Встрепелась только когда в замке двери повернулся ключ. Резко обернулась, ожидая увидеть мужа и не зная, что сделать первым – броситься на него и исцарапать лицо, или умчаться прочь и спрятаться в шкафу. Однако в квартиру вошёл вовсе не он. На пороге, запыхавшаяся и сексуально растрёпанная, стояла она. Рыжая женщина, в одночасье перевернувшая мой мир с ног на голову. Та, которую я ненавидела всеми фибрами души. До отчаянного желания взять дробовик и снести ей половину хорошенькой головки.

Любовница Славы.

– Упс! – сказала она и прикрыла рот ладонью с трёхсантиметровыми ногтями.

Именно так – упс. Не стала изображать искреннее удивление, бежать, куда глаза глядят, говорить, что ошиблась квар-

тирой, городом или страной.

Она просто сказала – упс.

А я стояла и не узнавала саму себя. Раньше нет-нет, да и мелькали какие-то обрывки мыслей о том, что стала бы делать, если бы Слава завёл любовницу и я встретилась бы с ней лицом к лицу. О, в такие моменты я представляла себе миллион разных вариантов развития событий, кроме того, который пришёл мне в голову сейчас. Потому что я хотела умчаться прочь. Туда, где меня никто и никогда бы не отыскал.

Вместо этого же, призвав все силы, которых почти не осталось, проговорила:

– Очень приятно. Я – Ксения. Возможно, вы даже меня знаете по рассказам моего мужа.

Сделав ударение на слове «моего», я пристально вгляделась в лицо стоящей напротив женщины. Никакого раскаяния. Никаких эмоций, которые бы говорили, что ей хотя бы не по себе. Отнюдь. Вместо них – чувство превосходства, явно написанное на довольно миловидных чертах.

– Веро, – представилась она и вздохнула. – И мне жаль, что наше знакомство произошло именно так.

Она принялась разуваться. Скинула туфли на каблуке, размяла ступни. Только сейчас я заметила, что пришла эта самая Веро не одна, а в компании пакета из какого-то бутика. Наверняка была на шоппинге в торговом центре неподалёку.

– Очень интересно, – протянула я, призывая на помощь

остатки выдержки. – И как, по-твоему, оно должно было произойти?

Веро пожала плечами. Повернулась к зеркалу и, вынув из сумочки помаду, как ни в чём не бывало начала подкрашивать губы. Меня передёрнуло от ярости и отвращения.

– Ты права, – наконец обновив боевой раскрас, сказала она: – Могло и не случиться вовсе. Вячек говорил, что это вовсе не обязательно.

Вячек? Господи... В каком сюрреализме я оказалась? Это она о моём муже, что ли?

– Было бы странным, если бы он решил познакомить свою законную жену с любовницей, – усмехнулась я, сдерживаясь, чтобы не шагнуть к стулу и не присесть.

Ноги отказывались держать. Казалось, что я не чувствую их вообще, хотя предпочла бы не ощущать не свои конечности, а ту жуткую боль в груди, дыра от которой разрослась до огромных размеров.

– Почти бывшую жену, – растянула губы в противной улыбке Веро, поворачиваясь ко мне. – Он как раз собирался сказать тебе, что вы расходитесь. Ну, если бы ты вовремя прилетела, а не упала нам, как снег на голову.

Она подхватила покупки и с видом победительницы, направилась в нашу со Славой спальню. Этого потерпеть я не могла. Да – муж поступил со мной по-скотски и я действительно собиралась сделать всё, чтобы отныне называть его бывшим. Но это был мой дом! Здесь всё было сделано мои-

ми руками. И пускать сюда эту стервятницу я не собиралась.

– Сделаешь ещё шаг – выдеру все волосы, – процедила я, преграждая Веро путь.

Она остановилась, но скорее инстинктивно, чем испугавшись моих слов. Воззрилась на меня сначала с искренним недоумением, затем – с насмешкой.

– Ты разве ещё не поняла? – вскинула она брови. – Это больше не твой дом! Здесь теперь буду жить я.

Я не выдержала. Бросилась на неё, вцепилась в волосы. Не думая ни о чём – ни о том, что мне нельзя предпринимать подобных действий, ни о такте, впитанном с молоком матери. Я просто вымещала на Веро всё то, что бушевало у меня в душе.

– Идиотка! Идиотка-а-а! Отпусти-и-и! – завопила любовница Славы, когда я подвела её к двери и, распахнув ту, выбросила Веро вон, словно ненужный хлам.

Так, как собирался мой собственный муж вышвырнуть меня. Если верить словам этой дряни, разумеется.

– Дура! Открой! Там мои вещи! – вопила Веро, молотя в закрытую дверь. – Не смей ничего с ними делать!

Я рассмеялась, вновь не в силах узнать в себе нынешней ту Ксюшу, которой была совсем недавно. Промчалась по квартире и, собрав всё барахло этой рыжей гадины, которого оказалось с избытком, подбежала к окну.

– Лови свои шмотки на земле! – крикнула в сторону выхода из квартиры и принялась выбрасывать тряпье и прочий

скарь Веро наружу.

Удивительно, но мне совсем не становилось легче. Напротив, было ощущение, что я опустилась туда, откуда муж подобрал свою любовницу. Не испытала я ничего, похожего на лёгкость, и когда отправила следом за вещами Веро одежду Славика.

Когда же силы оставили меня окончательно, я отошла от окна и, буквально стекая по стене на пол, разрыдалась так, как не рыдала никогда в жизни.

Часть 2

Сколько я так просидела, пока в замке не стал поворачиваться ключ, не знала. Слезы высохли, вместо них на щеках ощущалась лишь соль. С привкусом полыни, которая пропитала всё моё существо.

Я была в ужасе от происходящего. От своего бессилия, от непонимания, как так вышло и что будет дальше. Хотя, нет... Конечно, представляла, чем именно всё завершится, но даже вообразить не могла, как действовать, когда увижу мужа. Начать бросаться в него тарелками с порога? Угрожать? Рыдать? Что мне делать, чёрт бы всё побрал?

Когда он вошёл в квартиру, я поднялась ему навстречу.

Им навстречу. Ибо его треклятая Веро следовала за Славой по пятам.

– В гостиной подожди, – бросил он ей через плечо.

Шагнул ко мне и я испугалась. Этот незнакомый человек, стоящий напротив, вызывал во мне чувство страха. Я не знала, чего теперь от него можно ожидать.

– Почему не позвонила?

Он задал этот вопрос и у меня внутри всё окончательно выгорело дотла. Никаких дурацких фраз вроде того, что я всё не так поняла. Или никаких – прости, я не знаю, меня чёрт попутал. Просто требовательный и сухой безэмоциональный вопрос.

– Как всё это понимать, Слава? – выдавила я из себя, мысленно взыв от того, как жалко прозвучал мой голос.

Надломленный, какой-то каркающий. Когда каждое слово приходилось выталкивать из себя, а оно при этом царапало горло изнутри.

– Давай только без истерик, хорошо? – мягко предложил муж. Такой чужой, что выть хотелось. – Сядем и поговорим.

– Поговорим? Сейчас, когда я приезжаю домой, а здесь... Здесь чужая баба! И ты так спокойно мне предлагаешь просто поговорить?

Мой голос тоже был чужим. Визгливые нотки пронизывали его насквозь. И для себя я сама была тоже чужой и незнакомой.

– Веро беременна... Я думал, что ты приедешь позже. Она бы на этот день уехала и мы бы с тобой всё обсудили. Но вышло как вышло.

Слава пожал плечами, а я смотрела на него и видела словно через пелену. Муж был каким-то нечётким, размытым... Я вдруг поняла, что это пространство просто плывёт вокруг меня, а мне кажется, что я барахтаюсь в нём, как муха, увязшая в смоле.

– Тихо-тихо! – донёсся до меня встревоженный голос Славы.

Я ощутила, как меня подхватывают под локоть и куда-то ведут. Как усаживают на кровать. И только тогда сообразила, что еда не шлёпнулась в обморок.

Любовница мужа беременна... Господи, за что мне это?

– Ксюш... Прости, что всё выходит именно так. Я знаю, что ты заслуживаешь совсем другого расставания, но если бы ты просто сообщила, что прилетаешь...

Муж присел передо мной на корточки. Смотрел на меня снизу-вверх, и на его лице и впрямь было сожаление. Только жалел он не о нашем браке, что рушился прямо здесь и сейчас, а о том, что я всего лишь не сообщила...

– Я хотел тебе рассказать сразу, как только ты бы вернулась. Понимаю, что скрывать всё и прятаться от тебя – это предательство. Потому мы с Веро обсудили всё и решили, что пора разрубать этот Гордиев узел.

Меня захлестнул ужас. Совсем недавно, когда я только собиралась лететь к дяде Жене, рядом со мной был другой человек. Мы с ним вместе позавтракали, он проводил меня в аэропорт, он звонил мне каждый день... И всё это время, каждое мгновение он знал, что когда я вернусь обратно, он ошарашит меня новостями? Всё это время у него была любовница?

– Как давно всё это у вас? – хрипло прошептала я.

Это было, если так разобраться, неважным. Какая разница, десять лет муж изменяет, или десять минут? Суть от этого не меняется. Но я хотела знать... мне это было нужно. Я хотела, чёрт бы всё побрал, услышать, как долго хожу с увесистой короной в виде рогов, которыми впору потолки прошибать? Наверное, я нуждалась в этом, чтобы окончательно

поверить. Ведь даже сейчас, когда правда была вывалена мне на голову, у меня нет-нет, да и мелькали мысли, не розыгрыш ли это.

– Чуть больше года, – немного помедлив, сказал Слава.

Он поднялся на ноги и, отойдя к окну, заложил руки в карманы брюк. Я же чутко прислушалась к тому, что происходило в квартире. Где сейчас эта беременная змея Веро? Стоит и подслушивает, как у нас проходит разговор?

– Пока ты можешь пожить здесь, с нами, – тихо и спокойно сказал муж, не поворачиваясь ко мне.

Я ушам своим не поверила. Он и вправду предлагает мне остаться? Точнее, не так. Он говорит, что здесь останутся они с любовницей, а я стану третьей?

– Ты с ума сошёл?! Это мой дом! Пусть эта дрянь выметается отсюда к чертям! И ты вместе с ней, урод!

Вновь не сдержавшись, я вскочила на ноги и, подлетев к мужу, замолотила его кулаками по спине, плечам, затылку. Он резко развернулся и перехватил мои руки. Сжал с такой силой, что я охнула.

– Это моя квартира, Ксения. Так что если кто и должен отсюда выметаться – так это совсем не я.

В глазах напротив полыхнуло пламя. О, я знала этот огонь во взгляде Славы. Муж был вспыльчивым, мог завестись с пол-оборота, но никогда это его качество не было направлено на меня. До этого момента.

– Это и моя квартира тоже! – выкрикнула я, высвобождая-

ясь. — Вспомни, в каком состоянии она была, когда мы только сюда переехали!

Тогда я действительно вложила много сил в ремонт. Средства добывались практически отовсюду. Я продала свою старенькую машину, купленную в кредит. На то, чтобы привести жильё в порядок, пошли все деньги, подаренные на свадьбу.

— Дядя Женя тогда дал крупную сумму, ты разве забыл?

Слава усмехнулся. Потом тяжело вздохнул и, взъерошив волосы пятернёй, пожал плечами.

— Неотделимые улучшения. Да и у вас нет доказательств, что деньги дал именно твой родственник.

Он сказал это ровным тоном, в котором, впрочем, прозвучали нотки вызова. Потом, словно бы одумавшись, скорчил умильно-жалостливую «моську».

— Ксюх... послушай. Конечно, я не выгоню тебя на улицу ни с чем.

Он подошёл ко мне, положил руки на плечи. Провёл ладонями вниз и вверх. Смотрел так, как смотрят на несчастных обездоленных животных, которые бегают под проливным дождём и выпрашивают кусок чёрствого хлеба.

— Я дам тебе компенсацию. Но на многое не рассчитывай, сейчас с деньгами туговато.

Я испытывала такой ужас, какой не ощущала даже когда была маленькой и наткнулась на «Кошмар на улице Вязов», идущий по телевизору. Помню то оцепенение, желание спря-

таться, парализованность... То же самое было со мной и сейчас. Я закаменела, застыла. Я почти умерла.

– Какая же ты тварь... – прошептала неслушающимися губами.

Размахнулась и залепила мужу звонкую пощёчину. А после всё, на что мне хватило сил – промчаться в прихожую, сунуть ноги в кроссовки и, схватив сумку, выбежать прочь из квартиры.

– Извини, Ксю... но я просто в охренении... – в который раз округлила глаза Надя, к которой я и отправилась, едва покинула порог некогда родного дома.

– А я-то в каком, – шмыгнув носом, ответила, не зная, что ещё сказать.

Вроде бы уже успокоилась, по крайней мере, поток слёз иссяк, а на душе было так погано, что хотелось только одного – лечь и тихонечко скулить.

– Как я уже сказала – считаю, что он должен знать о ребёнке! – горячо заявила Надя и, встав со стула, заходила по небольшой кухне своей съёмной квартиры. – Нет, ну вы подумайте! Я собирался уйти от тебя, что ж ты не позвонила? – передразнивая Славу, показала свои таланты к пародии подруга. – Тьфу!

– Исключено, – повторила то, что уже озвучила раньше. – Спекулировать ребёнком я точно не стану.

Допив чай, я уткнулась взглядом в дно кружки. Там себя

примерно я и чувствовала. На дне. Не представляла, что делать дальше с учётом всего, что со мной произошло.

Дядя Женя, конечно, очень обрадуется новости о моей беременности. Даже наверняка начнёт заверять, что мы справимся и без Славы. Но ему уже под восемьдесят. И со здоровьем в последнее время всё совсем нехорошо. Так что падать ему на голову, да ещё и с ребёнком наперевес – худшее, что можно придумать. Оставались родители. Они не то чтобы очень интересовались делами взрослой замужней дочери. Жили за границей и наши отношения на расстоянии их полностью устраивали. Другое дело, что всё могло измениться, узнай они о положении, в котором я очутилась.

– Попробую связаться с мамой или папой. Мне же надо где-то жить, пока не встану на ноги, – сказала я, вздохнув.

Надька ударила себя по лбу.

– Точно! У вас же студия есть! Только она, кажется, сдаётся?

– Сдаётся, угу, – кивнула я и, взяв телефон, постучала им по раскрытой ладони.

Бросила взгляд на часы, убедилась, что хотя бы папа уже не на работе и сможет со мной поговорить по видеосвязи.

– Надеюсь, что обстоятельства значимы, чтобы поселить в квартиру дочь вместо квартиросъёмщика, – мрачно проговорила я, глядя на Надю и, когда та кивнула, начала набирать номер папы.

С самого детства я была предоставлена самой себе. Роди-

тели, конечно, интересовались, скажем, как я учусь, или куда планирую поступать по окончании школы, но на этом всё их любопытство относительно того, что со мной ещё происходит, заканчивалось. Когда мне исполнилось шестнадцать, они уехали за границу на поиски лучшей жизни. С тех пор я осталась одна, но в целом, ничего в моей судьбе от этого не изменилось.

Поступила на журфак, там и встретила своего будущего мужа, который пришёл получать профессию после армии. Мне было девятнадцать, когда мы с ним поженились. Красивый, высокий, статный. Способный привлечь внимание всего женского пола в радиусе сотни километров. Устоять перед его ухаживаниями было невозможно, хотя я тогда и была несвободна.

– Да, дочь? – сразу же, без приветствия, ответил на мой звонок отец.

На экране появилось его недовольное лицо, и я с первых секунд редкого общения поняла – ничего хорошего от этого разговора ждать не стоит. Да и беседа наверняка будет короткой, потому что папа приподнял бровь и зевнул.

А я, отбросив малодушное желание тут же отключить связь и неожиданно для самой себя разозлившись, бросилась в омут с головой:

– Много времени не отниму, – холодно проговорила под одобрителный кивок Нади. – Я расхожусь со Славой и мне теперь нужно где-то жить. Я бы хотела занять ту студию, что

в центре.

Как будто у нас имелись ещё какие-то квартиры... Впрочем, за последние несколько часов я поняла, что самые близкие люди способны ошарашить самыми неприятными сюрпризами.

Глаза папы округлились. А мнимую усталость как рукой сняло.

– Ты расходишься со Славой? С ума сошла?

– Не я, – отрезала в ответ, хотя папа, судя по всему, собирался начать читать нотацию, даже не разобравшись в ситуации. – У моего мужа появилась другая, так что мы разводимся.

Отец смотрел на меня так, будто видел впервые. Что происходило в его голове – знать я не знала, да и не уверена, что хотела бы обладать данной информацией.

Мне нужно было жильё, остальное – неважно.

– Так и знал, что этим закончится, – проговорил отец тихо, и в его голосе и словах мне отчётливо слышалось «Сам виновата, дура!».

– В следующий раз, когда стану выходить замуж, попрошу тебя посмотреть на будущего супруга третьим глазом, – мрачно пошутила я.

Надька не сдержалась и хохотнула.

– У тебя что, нет никаких накоплений? – задал вопрос отец, и я поняла – он будет изыскивать поводы отказать мне в проживании.

– Есть немного, но если я сейчас потрачу их на аренду...

Я не стала продолжать, всё было ясно и без дальнейших объяснений.

– Мы можем прислать тебе немного, – предложил отец.

– Зачем, если я могу жить в студии? – вскинула я брови. –

Или с этим есть какие-то проблемы?

Отец поджал губы и прежде, чем отключить связь, скороговоркой ответил:

– Пока не знаю. Буду говорить с мамой. Но особо на квартиру не рассчитывай. Она нам на старость куплена, она приносит неплохой доход. Наберу тебя.

После чего его лицо исчезло с экрана. Разговор был завершён.

– Пипец! – выдохнула Надька. Пояснять ничего было не нужно, подруга слышала всё собственными ушами. – Это не родители, это враги какие-то.

Она устроилась за столом напротив, до этого находившись вдоволь по кухне.

– Ну, если честно, особой надежды ни на что у меня и не было, – развела я руками, игнорируя горечь, которая появилась на кончике языка.

Я не врала. Действительно ни на что не надеялась. Согласись папа сразу на моё проживание в той квартире – я бы сильно удивилась подобному исходу событий.

– Так. Пока поживи у меня. Хозяйка, конечно, не обрадуется. Но на пару-тройку дней точно остаться сможешь. Что

с вещами? Когда забираем?

Я смотрела на Надю и у меня в голове была целая карусель спутанных мыслей. Вновь возникло ощущение, что всё это шутка. Не со стороны мужа, так со стороны судьбы. Такая злая насмешка, претворившийся в жизнь не смешной анекдот. Ещё сегодня утром я и думать не думала, чем завершится этот день.

– Спасибо, – просто поблагодарила подругу. – Пока возвращаться туда совсем не хочется. Хотя, ты права. Вещи забрать нужно.

Я сцепила зубы, потому что мне снова захотелось плакать. Не любила жалость в любом её проявлении, а тут испытывала именно это чувство. И именно по отношению к себе. Ни к прожитым годам, выброшенным, по сути, на помойку, а к себе...

– А ребёнок? Я не пойму, правда, почему эта скотина не должен делить с тобой эту ответственность? – вновь раздухарилась Надя, видимо, понимая, в каком состоянии я нахожусь и по-своему меня поддерживая.

– Я не знаю... смогу ли его оставить, – тихо проговорила, глядя на свои руки.

Прозвучало просто ужасно. Мне показалось, что я предаю этого кроху, которого только-только обрела. Да, возможно, это пока был всего лишь набор клеток, но он для меня с самого начала, с момента, когда увидела две полоски на тесте, стал живым. Настоящим. У него ведь уже даже прида-

ное стало появляться. Черт, кажется, покупать вещи заранее и впрямь плохая примета.

– Ксюнь... тут вообще не знаю, что сказать, – вздохнула подруга. – Правда. Дело твоё и тело – только твоё. Но ты хорошо подумай над этим. Чтобы потом не жалеть о том, что уже вернуть будет нельзя.

Я сжала переносицу пальцами. Кажется, в ближайшее время мне придётся погрузиться в миллиард самых разнообразных мыслей и принять множество решений, которые могут стать фатальными.

Но я не была к этому готова. Меня словно бы выдернули из привычной жизни, подержали под водой, где я едва не задохнулась, а затем вернули обратно, только теперь мир, что меня окружал, стал перевёрнутым с ног на голову.

Да и можно ли быть готовым к подобному? Сейчас я в принципе сомневалась, что даже самому стойкому и разумно мыслящему человеку это под силу.

Но раскисать мне было нельзя. Никто вместо меня Ксению Теплову из этого болота не вытянет.

– Я хорошо подумаю, – кивнула подруге. И добавила: – Давай уже о чём-нибудь отвлечённом. А то я с ума сойду...

***

– Ксюш! Ксюша-а! – позвала меня Надя, и я резко распахнула глаза.

Казалось, только заснула и вот уже утро. Перед сном всё никак не могла успокоиться. Представляла, как в квартире, которую я до этого дня считала своей, властвует Веро, и меня корёжило. Наверняка теперь она считает себя полноправной хозяйкой. Может, даже уже продумывает, как сделает детскую...

– Чёрт! – подскочила я с постели, и сердце моё застучало, как бешеное.

– Что случилось? – испугалась подруга.

– Чёрт! Ну почему я так ступила?

Я начала метаться по комнате, при этом кровь по венам у меня неслась с такой скоростью, что начало закладывать уши. И почему я вчера не подумала об уликах, оставленных в той квартире, где теперь жили муж с любовницей?

– Да что случилось-то? – не могла понять Надька. – Ещё немного, и я побегу за корвалолом.

– Лавандовая пенка-а-а! – простонала в ответ.

Подруга смотрела на меня так, как будто размышляла, не вызывать ли санитаров.

– Пенка, которую я купила для малыша! Она осталась в пакетах... Ну, вчерашние покупки!

– А-а-а! Ты об этом? И что тут такого?

Я взвыла в буквальном смысле этого слова. Неужели Надя не понимает? Я категорически решила, что Слава о ребёнке не узнает, а тут ему на блюдечке доказательство того, что у нас будет малыш.

– Я сама пользуюсь детским кремом, – успокаивающе сказала Надя, когда я мрачно взглянула на неё, подбирая ответ на её вопрос. – И это вовсе не значит, что я беспрестанно беременна.

Подойдя ко мне, подруга взяла меня за плечи и несильно встряхнула.

– Возьми себя в руки, Теплова! И кстати, я пришла тебя будить, потому что отпросилась с работы – сказала, что приеду позже. Едем за твоими вещами!

Успокоившееся, было, сердце застучало быстрее снова. Конечно, мне рано или поздно предстояло вернуться в свой дом и забрать оттуда всё своё имущество. Но как-то сейчас, пожалуй, я не была к этому готова.

– Думаешь, это хорошая идея? – вяло спросила я у Нади. Та решительно кивнула.

– Ещё какая! Не станешь же ты оставлять барахло этой змее подкольной? А в другой день я могу и занята быть. Так что давай-ка... Завтракаем и в путь.

Вздыхнув, я растёрла лицо руками. Обещала же самой себе стать сильной. А большой путь в тысячу километров, как известно, всегда начинается с маленького шага.

– Хорошо, – кивнула подруге, и когда та приняла решительно-боевой вид, с облегчением рассмеялась.

– Пройдёмся пешком, – сказала я Наде, когда мы добрались до моего района.

Вышли из автобуса на остановку раньше и неспешно направились к дому. Глупо, но я словно выторговывала время, не желая вновь встречаться с Веро или Славой. Или же с обоими вместе.

– Наверное, всё не поместится, – в который раз посетовала подруга, несущая большую полиэтиленовую сумку, в которой лежало ещё несколько пустых пакетов.

– Я же сказала – берём самое необходимое, – ответила ей.

– И ценное! – добавила Надька.

То, что я осталась почти «на бобах», было исключительно моей виной. Но если бы я знала, что попаду в такой переплёт, конечно, откладывала бы понемногу на чёрный день. Так что ценное, как его назвала подруга, мне сейчас очень пригодится. Правда, не особо-то и много у меня его накопилось. Несколько комплектов серёжек, в основном, бижутерия. Цепочки и кулоны, которые дарил мне муж. А ещё подарок от дяди – массивный браслет из золота, который достался ему от отца. Конечно, его я постоянно не носила, надевая лишь по праздникам. А вчера, находясь в смятении, напрочь забыла забрать первым делом.

– Ксюх! Господи, а это что такое? – ужаснулась Надя, когда мы добрались до дома.

Я посмотрела туда, куда она указывала, и обомлела. На ветвях деревьев, на кустах, на газоне – всюду валялись мои вещи. И то, что их никто не забрал, можно было назвать чудом, если бы не одно «но». Потому Перед тем, как выбро-

силь, Веро порезала их на куски и перепачкала в чём-то.

А потом попросту отправила в полёт из окна, как это сделала вчера я с её скарбом.

Проклятая дрянь...

– Трындец, Ксень... У меня руки чешутся вырвать кому-то патлы! – донёсся рык Нади словно через толщу воды.

Меня повело в сторону, подруга в последний момент подхватила под локоть и повела к скамейке. Усадила, заговорила быстро, как будто опасалась, что я в любой момент могу шлёпнуться в обморок, а она не успеет сказать главного.

– Не волнуйся! Барахло купим! Главное у этой тварюшки забрать твои драгоценности. Прямо сейчас я звоню в полицию.

– Подожди, – остановила её, когда она уже вынула из кармана телефон. – Давай сначала поднимемся наверх. Может, дома никого нет и браслет на месте?

К чёрту все кулоны и копеечные серёжки. Я хотела вернуть то, что было по-настоящему ценным. И вовсе не в денежном эквиваленте.

– Ладно. Но потом – полиция.

Кивнув, я поднялась со скамейки и пошла к подъезду на негнущихся ногах. Забрать вещи и забыть хотя бы на время о случившемся как о страшном сне не получится. Интересно, а Слава был в курсе того, как вещи его жены летели из окон квартиры? Стоял ли рядом и посмеивался? Или вообще поучаствовал в этом?

Я так и представляла себе, как муж подтаскивает своей Веро мои блузки, юбки, платья...

– Ксю, не волнуйся только! – намеренно исказила Надя слово, натянуто улыбаясь. – Думай не только о себе. Всё решим!

Видимо, моя мертвенная бледность, которую я ощущала физически, пугала даже Надьку, которая лицезрела меня не раз ещё и не в таком виде. Я и сама опасалась, что отключусь. Такие нервные перегрузки в моём положении были под запретом. И организм, похоже, реагировал на них так, чтобы максимально оградить ребёнка от угрозы.

– Не подходит! Ключ не подходит! – воскликнула я, с третьего раза пытаюсь открыть дверь.

– Они что, поменяли замки? – округлила глаза Надя. – Ну-ка, отодвинься!

Оттеснив меня плечом, подруга принялась с усилием вставлять ключ в замочную скважину, но её попытки, как и мои, не увенчались успехом.

– Сволочи! – раздасадованно выкрикнула она, на эмоциях саданув по двери ногой. – Нет, ну какие же сволочи!

Она обернулась ко мне, я же вдруг испытала ледяное спокойствие. Хватит эмоций. Это война и значит, мне нужна холодная голова.

– Звоню Славе. Запишу разговор. А потом давай вызывать наряд, – сказала отстранённо.

Надька кивнула, а я принялась набирать номер мужа.

– Да! – рывкнул он в трубку, сразу расставляя все акценты в предстоящей беседе.

Ясно. Муж не только мысленно уже со мной распрощался, но ещё и теперь давал понять, что я – лишний элемент его бытия с первых букв нашего общения.

– Я возле нашей квартиры. Вы поменяли замки? – спросила безо всякого приветствия.

– Веро настояла. – Голос Славы был спокойным, даже ленивым. – Вещи можешь забрать.

Я не сдержалась и горько расхохоталась. Грешным делом даже начала подозревать, что у мужа на меня зуб. Как это порой бывает в женских романах, когда героиню зазря обвиняют во всех смертных грехах, а потом оказывается, что напрасно её казнили. Ну не может же быть так, чтобы за какие-то считанные дни человек стал настолько другим?

– Вещи забрать могу, да. Изрезанные, испачканные, выброшенные из окна.

Я произнесла это, стараясь изо всех сил сделать так, чтобы голос не дрогнул, однако, не вышло. А когда взглянула на одежду, разбросанную то там, то сям, к глазам подступили злые обжигающие слёзы.

– Что? – Слава, после некоторого молчания, вдруг сделал то, чего я никак не ожидала. Начал смеяться. – Веро выбросила твои вещи в окно? Ну, теперь, мои девочки, счёт между вам один-один.

Мне стало так мерзко, что к горлу подкатил рвотный позыв. И эта сволочь ещё называет меня и свою любовницу «мои девочки»?

– Я имею право зайти в квартиру. Мне нужен мой браслет. И всё, что там ещё осталось целого, – процедила в трубку.

Чувство гадливости заместилось агрессией. Такой лютой, что мне от собственных ощущений стало не по себе. От них даже на месте подбрасывало, чего со мной никогда в жизни не бывало.

– Вечером приеду и пушу, – сказал Слава. – А сейчас извини, мне нужно работать.

Он, видимо, уже собирался отключить связь, когда я выпалила скороговоркой:

– Я сейчас же вызываю полицию. Имею полное право пользоваться той жилплощадью, на которой прописана! Так что изволь оторвать свою задницу от дел и приехать пустить меня в квартиру!

Судя по всему, муж такого не ожидал. Он довольно продолжительное время молчал, после чего зашипел в трубку:

– Послушай, Ксюха, очень внимательно. Я хочу разойтись по-хорошему. Без истерик, склок и прочего. Я готов дать тебе компенсацию. Вещи, ну, точнее, что от них осталось, ты сможешь забрать вечером. Захочешь пожить втроём – велкам. Но не парь мой мозг всякой хренью, ты поняла? Квартира моя. Выписать тебя – дело времени. Шмотки ты первая начала из окон выкидывать, а это всего лишь ответка. Не

нравится получать то же, что творишь сама – думай, прежде чем делать фигню. А сейчас поезжай... откуда ты там приехала и жди моего звонка. И не тревожь Веро, ей сейчас не до тебя. Ясно?

Он не дождался ответа и положил трубку. А мне и нечего было ему отвечать. Всхлипнув, я до боли закусила губу, чтобы снова не разреветься.

Чем я заслужила такое отношение? Что такого сделала? И ведь самое поганое, что мне ещё очень многое предстоит перед тем, как мы со Славой разойдёмся официально.

– Поняла, звоню в полицию, – мрачно сказала Надя и я, после короткого раздумья, кивнула.

Часть 3

Ждать наряда пришлось около двух часов. Это время мы провели в кафе с подругой, которая позвонила на работу и сказала, что сегодня точно не выйдет. Сидели, просматривали статьи в интернете, всякие истории, подобные моей, которых было с избытком, и то жарко обсуждали прочитанное, то просто молчали, потому что сказать было подчас нечего. Однако я была очень благодарна за то, что прохожу через всё это не одна. И очень надеялась, что власть имущие нам всё же помогут. Я так и видела, как они наказывают любовницу Славы за то, что она натворила. Сидела, слушала Надьку, а сама сжимала и разжимала кулаки.

Когда же полиция приехала, первым делом я поняла, что все зря. Двое мужчин в форме и вовсе очень развеселились, увидев мои вещи повсюду. Впрочем, под взглядом женщины-майора, которая всячески давала им понять, что шутки и посмеивания здесь неуместны, оба быстро вошли в разум.

Хотя, я видела, что и майор, представившаяся Суворовой, заранее решила, что это дело проигрышное. Возможно, она уже не раз выезжала на такие вот бытовые разборки и уже знала, что соваться к двоим или троим людям, выясняющим отношения, смысла нет.

– Поднимемся в квартиру. Хозяин на месте? – спросила она у меня после того, как я вкратце рассказала ей, почему

мы их вызвали.

И, надо признаться, в моих устах даже для меня самой поведствование звучало жалко и... смешно. Мелькнула мысль, что я и сама, пожалуй, со стороны отреагировала бы точно так же.

– Он на работе. Но там... в общем, та любовница, о которой я говорила.

Суворова пожала плечами.

– Пусть откроет. Поговорим.

Оставив нерадивых сотрудников ждать в машине, она направилась к подъезду. Мы с Надей, переглянувшись, пошли за ней. Веро, на удивление, оказалась дома и даже открыла нам дверь. Выглядела она трогательно-милой в домашней одежде, без косметики и... со шваброй в руках. Видимо, приезд полиции не прошёл мимо неё, потому нас она встретила во всеоружии. И главным в её арсенале была улыбка. Ну просто ангел, сошедший с небес!

– Добрый день, – поздоровалась она. – Вы ко мне? Или к Вячеку? Его нет дома, он работает.

Она перевела взгляд с Суворовой на меня и, разулыбавшись ещё более жизнерадостно, проговорила:

– Привет, Ксения! А я как раз тебя ждала. Вячек сказал, что ты заберёшь вещи. Ну, вы же с ним это обсуждали? Вот.

И она отступила, продемонстрировав нам две внушительных сумки.

Мы с Надей опять переглянулись. Похоже, кое-кто здесь

собирался играть в свои игры. И наверняка в них я в мыслях Веро была на стороне проигравших.

– Да? Вроде бы обсуждали, – соврала я.

Потёрла лоб ладонью и, шагнув к сумкам, опустилась перед ними на корточки.

– Давай посмотрим, что тут за добро, – мрачно проговорила Надя и, устроившись рядом, открыла первый баул.

В нём обнаружилось две моих старых куртки. Выбросить их рука не поднималась, потому я пристроила их для выездов на дачу к Славиным родителям. Такие вылазки были редкими, с родными мужа у меня установились довольно прохладные отношения, но иногда мы всё же ездили за город.

Я вздохнула. И зачем только всё это время желала быть хорошей женой и хорошей невесткой. Сейчас бы не было так обидно за время, которое потратила на Теплова.

– Это ваше? – спросила Суворова, до этого момента наблюдающая за всем со стороны.

– Моё, – пробормотала я, открывая вторую сумку. В неё было напихано три комплекта постельного белья и всякая мелочёвка вроде ополовиненного бальзама для волос. – Но здесь чёртовы куртки и простыни! Остальное она выбросила в окно!

Распрямившись, я вперила взгляд в Веро, которая невинно захлопала ресницами.

– Ксения, ты что? – картинно приложила любовница Славы руки к груди. – Сама же вчера и устроила целое шоу с выбрасыванием вещей. Все соседи в курсе. А некая... ммм... Любовь Пална видела всё собственными глазами!

Я мысленно застонала. Любовь Павловна невзлюбила нашу со Славой семью крепко и давно за то, что муж однажды ей нахамил. Да она в лепёшку расшибётся, чтобы мне досадить! Даже играя на стороне Славиной актрисульки погорелого театра.

– Мне нужен мой браслет. Где он? – процедила, понимая, что проигрываю по всем фронтам.

Промчалась в спальню, открыла секретер... Ни единой безделушки в нём не было. Да и полка, на которой лежали мои вещи, была полупуста. А то, что на ней успела расставить Веро, принадлежало ей и Славе.

– Где мой браслет?! – не сдержавшись, закричала я.

Подлетев к любовнице Славы, схватила её за плечи и встряхнула. О, как же я ненавидела сейчас эту дрянь! Как же мечтала сомкнуть пальцы на её шее и держать так, пока она не посинеет и не свалится бездыханной к моим ногам.

– Ксения Дмитриевна... Не переходите границ, – раздался рядом голос Суворовой, и я с сожалением отступила. – А вы, Вероника, будьте добры, предъявите документы.

Веро хмыкнула и, пожав плечами, жалостливо проговорила:

– Вячек предупреждал меня. Говорил, что его жена так

просто не согласится на развод. А ведь мы готовы на все её условия! Даже предлагали пока жить здесь.

Она отошла к сумке, лежащей на стуле, принялась рыться в ней.

– Вячек так и думал, что Ксения начнёт придумывать всякую ахинею, товарищ майор.

С этими словами она протянула паспорт Суворовой.

– Почему же ахинею? – не удержалась Надя, всё это время передвигающаяся следом за нами. – Ксюша оставила здесь свои драгоценности и теперь они пропали.

Веро взглянула на мою подругу и пожала плечами.

– Я ничего не знаю. Не видела ни единой побрякушки.

Она отошла и принялась разбирать вещи. Только сейчас я заметила, что буквально каждый свободный сантиметр комнаты заставлен барахлом Славиной любовницы. А они с Тепловым времени зря не теряли.

– Не смеем вас больше задерживать, заявление Ксения Дмитриевна может написать и в отделении полиции, – сказала Суворова, возвращая паспорт владелице и, повернувшись ко мне, добавила: – Оснований пребывать в данном помещении у Вероники Сергеевны с избытком. Она здесь прописана.

Я сделала короткий рваный вдох. Это было ударом под дых. Слава уже успел сделать регистрацию для Вероники? Но когда?

А впрочем, какая разница? Факт оставался фактом – муж

за моей спиной основательно подготовился к тому, о чём я даже не подозревала – расставанию.

– Она... прописана? – тупо переспросила я, старательно отводя взгляд от довольного донельзя лицо Веро.

– Если верить соответствующей отметке в паспорте – да, – размеренно сказала Суворова и, кивнув на выход из квартиры, спросила: – Идём? Или собираетесь остаться?

Я сжала руки в кулаки. Снова начали накатывать волны агрессии, которую я едва контролировала. Однако вцепляться в волосы Вероники в присутствии майора полиции было не лучшей идеей. Отсидеть пятнадцать суток и порадовать тем самым и мужа, и его любовницу – ну уж нет.

Выйдя в прихожую, я проигнорировала стоящие там сумки и, толкнув перед собой входную дверь, обернулась к Веро, поспешившей нас проводить.

– Не распаковывай то, что собрала. Настанет день, Слава вышвырнет тебя так же легко, как и меня. Тогда тебе и понадобятся чужие обноски.

Сказав это, я вышла из квартиры с чувством творящейся здесь и сейчас ужасающей несправедливости. И, пожалуй, она убивала меня ничуть не меньше, чем осознание, какой нож в спину засадил мне муж. Правда, пока я с этим поделаться ничего не могла.

– Ксения Дмитриевна! Подождите! – окликнула меня Суворова, когда мы втроём вышли из подъезда и я решительно

направилась к автобусной остановке.

Надька, мой верный друг и соратник, отставала от меня лишь на полшага.

Я обернулась и вопросительно воззрилась на майора. Она поджала тонкие губы, как будто тотчас пожалела, что вообще меня остановила, но, быстро оглядевшись, словно нас могли подслушать, кивнула в сторонку.

Мы отошли и Суворова заговорила:

– Ксения Дмитриевна, мой вам совет – обратитесь к адвокату. Причём хорошему. Мы можем принять у вас заявление, но... Всё, чем закончится, понятно заранее. Шмарова будет всё отрицать, а доказать, что драгоценности были на месте, вы не сможете, ведь так?

Она смотрела на меня, а я не понимала, почему Надька стоит рядом и её трясёт от хохота. Как по мне, весёлого здесь не было от слова совсем.

– Простите... Шмарова? – не удержалась подруга. – Шмарова-а-а. Ахахха. Теперь ясно, почему она так торопится стать Тепловой.

И Надя, извинившись, отошла, чтобы отсмеяться.

Я же тяжело вздохнула. Мне сейчас было совсем не до шуток и прочих радостей жизни. К чёрту Славика, к чёрту Шмарову... Меня корёжило от мысли, что эта дрянь прикарманила то, что было для меня столь ценным. И я вовсе не о муже.

– Не смогу. Моё слово против её слова, – согласилась я.

– Я так и думала, – кивнула майор. Вытащила телефон и принялась в нём копаться. – Впереди у вас развод. Вам нужен хороший адвокат. Могу дать контакты проверенного человека, а вы уж сами думайте, к нему обращаться, или поискать другого.

Надя, живо нарисовавшаяся рядом, кивнула и, закусив губу, принялась записывать номер, который диктовала Суворова. Вот и славно, было видно, что мне действительно хотят помочь хотя бы в этом, а это значит, хорошим адвокатом я в итоге обзаведусь. Осталось только понять в обозримом будущем, где мне взять денег на этого профессионала. Его услуги наверняка стоили недёшево. Но, как говорила героиня одного известного романа: «Я подумаю об этом завтра».

Вскоре мы, распрощавшись, разошлись. Я поблагодарила майора. Конечно, помощи особой не получила, но мне хотя бы стало легче от того, что моя ситуация не осталась проигнорированной.

– Шмарова! Нет, ну ты подумай! – похихикивая, забавлялась Надя, пока мы шли к остановке.

– Прямо как у Гоголя... говорящая фамилия, – рассеянно согласилась я.

Подруга же начала озираться и на мой вопросительный взгляд с готовностью пояснила:

– Так как работу я сегодня не работаю, давай заскочим в магазин. Мне – красненького, тебе, как почётной матери-героине – сока. А потом просто посидим дома и посмотрим

какое-нибудь кино.

Я слабо улыбнулась. Надя была права – я нуждалась в перезагрузке. В том, чтобы хоть ненадолго вынырнуть из этого болота и сделать спасительный глоток кислорода. Потому кивнула и просто ответила:

– Давай. И спасибо.

– Так, продукты в холодильнике есть. Если кто в дверь будет звонить – не открывай. Соседка любит то за солью, то за спичками зайти. Часа на два. Ну и в общем, всё! Если что – набирай меня.

Я провожала Надю на работу. С утра пришлось спасти подругу аспирином, ибо накануне Антонова немного перебрала. Но стойко собиралась отпахать и за вчера, и за сегодня.

– Надюх, я не ребёнок, – улыбнулась подруге. – Справлюсь. Ещё и ужин нам сготовлю, обещаю.

– Ладно. – Надя потёрла виски и, взяв сумку, вышла из квартиры. – Но сильно не перенапрягайся, мамуля.

Она ушла, оставив меня с мыслями, которые теперь занимали большую часть моего времени. Ребёнок. В самое ближайшее время мне следовало решить, что делать со своей беременностью. И от этого я приходила в ужас. Рожать, рассчитывая только на себя? Я не верила в то, что в обозримом будущем в моей судьбе случатся такие кардинальные изменения, что я смогу не думать о банальном куске хлеба. Да-

вать жизнь человеку, зная, что я могу его и не прокормить... Без жилья, без работы... Да, я могла признаться во всём Славе, а потом требовать с него алименты. Но знала так же, как мужчины умеют или не дать денег на самое необходимое, или же накопить долгов по этой части. А ребёнка, тем временем, нужно было кормить и одевать с той самой минуты, когда он появится на свет.

Эти мысли меня убивали. Находясь замужем за Славой и считая, что у меня сытая обеспеченная жизнь, я ни на минуту не сомневалась в том, что оставлю малыша. Жаль, продлилось данное время всего несколько часов. И теперь всё было иначе.

Я услышала звук входящего звонка и с удивлением обнаружила, что мне звонит мама. Она делала это крайне редко, но сейчас я примерно понимала, что послужило причиной того, что родительница всё же набрала мой номер. Конечно же, моя личная жизнь, которая для мамы, кажется, таковой совсем не являлась.

– Что у тебя со Славиком? Отец сказал, что вы разводитесь! – без приветствия начала мама, и я поняла, что разговор не заладится.

– Да, разводимся, – как можно спокойнее ответила. – Но речь не о Славе. Папа сказал тебе, что мне нужно где-то жить?

Я перешла сразу к главному. Что толку ходить вокруг да около и разводить политесы. И мне, и маме всё было ясно

с самого начала. И квартирный вопрос был гораздо острее, чем расставание с Тепловым. Причём для мамы в первую очередь.

Она недовольно поджала губы. Видимо, рассчитывала сходу расставить все точки в том, что касалось вопроса моего будущего проживания в квартире-студии, переведя разговор на Теплова, но не вышло.

– Мы обсуждали с ним этот вопрос, – сказала она отстранённо после небольшой паузы. – И пришли к выводу, что квартиру эту покупали себе на обеспечение старости.

– То есть, взрослая дочь в вашем понимании претендовать на неё права не имеет? – вскинула я бровь.

Меня начало ощутимо трясти. О своей родной кровиночке ни мама, ни папа даже помыслить не желали. Ладно бы это просто было моим капризом... Но я ведь попала в ситуацию, когда мне нужна была помощь! И боялась представить, что получила бы, например, случись со мной беда в виде тяжёлой болезни. Похоже, меня бросили бы в гордом одиночестве и предпочли бы забыть, что у них в принципе когда-то была дочь.

– А о родителях ты подумала? То, что мы за границей, не значит, будто у нас тут денежные фонтаны хлещут. Та сумма, что мы получаем с аренды, прекрасное подспорье.

Подспорье, значит. Им двоим. А я так... отрезанный лоскуток.

Внезапно мне пришла в голову мысль рассказать о том,

что и я теперь совсем не одна. Раз уж мама и папа настолько зависимы от этих денег вдвоём, то им вполне стоит узнать, что нас теперь тоже двое. Я рассчитывала на понимание, хотя бы на его кроху. Ведь они всё же мои родные люди, а теперь у них будет внук или внучка. И пусть мы ни разу не обсуждали моё вероятное материнство, я почему-то считала, что уж на это у них с отцом будет позитивная реакция.

– Я беременна, мам, – тихо призналась в том, что совсем недавно было радостью, а сейчас вдруг показалось тяжёлой, больше нескольких пудов, ношей. И добавила увереннее: – У меня будет ребёнок.

Лицо мамы сделалось таким, каким я не видела его ни разу в жизни. На нём отразился самый настоящий шок. Причём сразу стало ясно – она удивлена крайне неприятно.

– И ты... беременная уходишь от Славы? – выдохнула она так, как будто я только что призналась, что ем на завтрак, обед и ужин младенцев.

– Я ухожу от Славы потому, что он притащил домой любовницу, которая каждый раз, как я отбываю из дома долее, чем на сутки, тут же тащит в нашу квартиру свои трусы и зубные щётки. А ещё потому, что он мне прямо заявил, чтобы я и думать не думала претендовать на ту квартиру, которую я буквально вылизала, когда мы с ним съехались. Ещё потому, что Веро – это его любовница, кстати, – носит его ребёнка. А ещё она...

– Стоп! Хватит!

Мама потянулась к экрану телефона, видимо, решив, что на этом наш разговор с ней закончен. Но прежде, чем всё же положила бы трубку, выдала:

– У тебя пока есть муж и прописка. Хочешь прописаться в нашу квартиру, а потом прописать туда и ребёнка? Не выйдет. Иди к Славе и проси его с тобой не разводиться. И вообще... теперь же вас с ним развести не должны! И как я сразу не сообразила?

Мама была крайне довольна тем, что вспомнила о такой «мелочи», как закон, по которому нас со Славой развести были не должны, пока нашему ребёнку не исполнился бы год. Вот только не учла один факт.

– Я не собираюсь оставаться его женой! – с нажимом сказала я, пребывая в ужасе от этого разговора и того, куда он в итоге повернулся. – Это ниже моего достоинства – выпрашивать, угрожать, шантажировать. Неужели тебе это не ясно? Ты же тоже женщина.

Мама усмехнулась и на лице её появилось выражение из разряда – какая же ты дура.

– Если бы я вспоминала чаще о гордости, чем о том, что бабе в наше время надо как-то выживать, я разошлась бы с твоим отцом раньше, чем мы вообще бы задумались о ребёнке. И мой ответ – нет. Про квартиру забудь и возвращайся к мужу. Прощай.

Последнее слово повисло в воздухе дамокловым мечом, занесённым над моей несчастной головой. Я сделала рванный

вдох и растёрла лицо ладонями.

Да, мне теперь придётся как-то выживать. Искать полноценную работу, снимать жильё. И делать всё, что угодно, кроме одного. К Славе я не вернусь даже если он будет ползать на коленях и умолять об этом.

Впрочем, я была уверена – именно этого никогда и не случится.

– Итак, что мы имеем, – сказала Надя, прибывшая с работы раньше времени.

Я понимала, что подруга сильно переживает за меня, вот и явилась не в шесть, как обычно, а в четыре. И я была ей за это очень благодарна. Окажись с ворохом своих проблем один на один, просто сошла бы с ума. Сидела бы, перебирала в голове разные варианты, а сама потихоньку бы слетала с катушек.

– Итак, студия – вычёркиваем.

И она действительно взяла лист бумаги, написала на нём слово «студия», после чего поставила на нём крест. В буквальном смысле этого слова.

– Родители тоже поддержки никакой не окажут, это ясно, как божий день, – продолжила Надя и теперь участь студии постигла моих маму и папу. – Теперь Слава.

Она постучала концом карандаша по столу. Я не удержалась и фыркнула. Как раз с мужем, к которому теперь был применен термин «бывший», всё было яснее ясного. Я бы

не вернулась к нему даже под дулом пистолета. Ну, если вдруг предположить, что Теплов бы «бросил свою кикимору» и ползал бы передо мной на коленях.

– Первое – ты признаёшься в беременности. До родов и момента, пока ребёнку исполнится год, вы не разводитесь и Слава тебя содержит, – сказала Надя, выписывая на листе имя Теплова.

– Исключено, – покачала я головой. Подруга посмотрела на меня с прищуром и я пояснила: – Я много об этом думала. Даже если во время беременности это и сыграет мне на руку, я не представляю, что будет после родов. А если Славик решит поиграть в добропорядочного отца? Пофантазируем о том, как меня будет передёргивать, когда он станет забирать нашего малыша и они будут гулять вчетвером – Веро, он и двое детей?

Меня и вправду перетряхнуло от обрисованной картины. Нет, такое даже в мыслях нельзя было допускать. Что они станут говорить моему сыну или дочери? Как настраивать ребёнка против собственной матери? Что будет происходить с ним, когда папа привезёт его обратно после того, как он побывает у него в гостях? Истерики? Скандалы? Заверения, что отец хороший? Не стану ли я тогда врагом номер один, а потом, когда малыш подрастёт, не останусь ли у разбитого корыта?

– Ладно. Хорошо. Тогда второе – ты не признаёшься в беременности, вы разводитесь, пока у тебя не нарисовалось пу-

зо, а потом просто становишься матерью-одиночкой.

Надя вдруг наставила на меня карандаш и проговорила менторским тоном:

– Кстати, если вдруг в этот момент Вячек узнает про то, что ты родила от него, он может вполне инициировать ДНК экспертизу. И попретендовать на ребёнка.

Я закрыла лицо руками и замотала головой.

– Даже представлять подобное не хочу, – произнесла глухо, а когда отняла ладони, решительно, насколько это было возможно, сказала: – Поэтому третье... Этого ребёнка я не рожаю.

Только договорила, как в сердце кольнуло болью. Несильно, но ощутимо. И ненависть к Славе появилась, ещё более сильная, чем до этого. Всё было бы совсем иначе, не сотвори Теплов своё предательство. Я была бы счастлива, я бы сейчас летала на крыльях и ждала рождения малыша. А теперь всё летело к чертям.

Надька тяжело вздохнула.

– Окей... Как я и говорила – это только твой выбор, – проворчала она. – Теперь переходим к работе.

Она встала из-за стола, за которым мы устроились, притащила ноутбук, открыла его и начала что-то изучать.

– Ты же пишешь статьи на заказ, так? – спросила через время.

Я кивнула:

– Так.

– Вот! И я их читала, насколько ты знаешь.

– Читала, да. И что?

– А то, что они... ну скажем так... Весьма попадают в струю.

Я моргнула раз, другой. И впрямь несколько раз писала небольшие истории для популярного женского журнала, но не понимала, к чему клонит Надя.

– Их ждут, они интересные, – продолжила подруга и, повернув ко мне ноутбук, выдала скороговоркой: – Вот здесь ты можешь попробовать себя в писательском деле. Сайт молодой, но очень активно развивается. Я и сама уже подсела на несколько работ. Истории классные, а ты можешь не хуже! И заработать на этом можно. К тому же, тебе сейчас точно не до должностей кассира или официанта.

Я смотрела то на экран нута, то на подругу, при этом испытывая смешанные чувства – лихорадочное возбуждение, которое вдруг охватило меня, щедро приправленное скепсисом.

Писательство... Это ведь огромный труд. Ответственность. И – с другой стороны – возможность создавать новые миры, а может, и вовсе прославиться. Хотя, конечно, учитывая моё положение, о славе я думала в последнюю очередь. А вот о зарплате – вполне.

– Я изучу всё, что предлагает этот сайт, – наконец, выдала свой вердикт.

Надя права. Как известно, под лежащий камень вода не

течёт, а в чём я могла бы быть успешной, никто не знал. В том числе, и я.

Поэтому лишь кивнула, подтверждая свои слова и крепнущую внутри уверенность, что у меня всё получится, и с благодарностью посмотрела на подругу.

Часть 4

Прошло два дня с тех пор, как я увлеклась изучением сайта, который показала мне Надя. За это время я не особо продвинулась в том, чтобы решить свои проблемы. Лишь только созвонилась с адвокатом, обрисовала ему ситуацию и договорилась с ним встретиться позже, когда я приму самое важное решение в своей жизни. Именно от того, решусь ли я оставить ребёнка или нет, зависело если не всё, то почти всё.

С жильём всё тоже было туманно. Единственный вариант, который я пока могла потянуть в данный момент финансово – кроха-студия в спальнике, далеко от того района, в котором я прожила последние несколько лет. Впрочем, это было даже к лучшему.

То же, что касалось Славы, можно было охарактеризовать лишь одним словом – тишина. И если бы не нюанс в виде браслета, о котором я не могла не думать, это тоже было хорошо. Я не рассчитывала на то, что Теплов вдруг передумает, поймёт, каким козлом был, и как-то себя проявит. Напротив, этого не желала. Однако молчание было весьма красноречивым. Я перестала быть ему нужна в каком бы то ни было качестве. Вот так вот просто, почти что по щелчку пальцев.

– Всё же поедешь, – констатировала Надя, когда я одевалась в прихожей, готовясь ехать в клинику.

Местная женская консультация отпадала по причине того,

что там меня могли увидеть общие знакомые. Да хоть вон та же Веро. Поэтому пришлось записаться в частное лечебное учреждение.

– Поеду, – вздохнула я, старательно не думая о том, что мне предстоит. – И больше ни слова. Мне и так рыдать хочется.

Надя просто кивнула и обняла меня, после чего, пообещав приехать сразу же, если вдруг она мне понадобится, проводила и закрыла за мной дверь.

Через час, входя в стеклянные двери, приветливо открывшиеся передо мной, я уже знала, что сегодня ни на что не решусь. Но хотела поговорить обо всём с врачом, чтобы тот лично описал мне процедуру.

Надев бахилы и сняв куртку, которую сдала в гардероб, я поднялась на лифте на третий этаж и на несколько секунд застыла, оглядываясь. Отчаянно колотящееся сердце, которое едва ли не выпрыгивало из груди, я усиленно игнорировала тоже. И уже направилась в ту сторону, где находился нужный кабинет, когда меня окликнул мужской голос:

– Ксюша? Лукинская?

Я резко обернулась и не сразу поняла, кто стоит в паре метров от меня. Высокий, в белом халате, в ультрамодных очках с простыми стёклами. Он походил на какого-нибудь голливудского актёра, участвующего в съёмках фильма про врачей.

– Матвей? Сибиряков? – эхом откликнулась я, и мой быв-

ший растянул губы в улыбке, после чего шагнул ко мне.

– Я рад, что ты меня узнала, – сказал он и нахмурился.

Окинул взглядом коридор, как будто тот мог дать ему ответ на невысказанный вопрос.

– У тебя что-то случилось? – наконец спросил Сибиряков.

Перевёл взгляд на меня, а я едва удержалась от того, чтобы горько не усмехнуться. Если бы он знал, насколько прав, когда задавал этот вопрос.

С Сибиряковым мы встречались недолго, но роман наш был бурным. Даже крышесносным. Матвею было двадцать четыре, когда он поступил на журфак. Там и встретил меня. Интерес проявлять стал сразу, с первой же студенческой вечеринки. Тогда он казался мне чересчур взрослым, основательным и серьёзным. А когда я познакомилась с Тепловым, и вовсе забыла о том, что Сибиряков существует на свете.

В тот момент казалось, что можно просто сказать правду – о том, как влюбилась в другого. О том, как жизни без этого другого не мыслю. Матвей тогда, кстати, оставил учёбу и поступил в другой ВУЗ. И мне это было только на руку.

– У меня? – переспросила я, делая глубокий вдох. – Да ничего не случилось. Просто на приём пришла.

– К кому? – потребовал Сибиряков ответа.

– К Калининой. А что? – уточнила я.

– Ничего, – улыбнулся он.

Посмотрел на часы. И опять был таким серьёзным, что мне рядом с ним стало как-то не по себе.

– У меня немного времени есть. К Валентине Анатольевне потом лично отведу, а сейчас СМС напишу, что ты не придёшь, – вдруг ошарашил Матвей, и не успела я сориентироваться и понять, чего он хочет, добавил: – Выпьешь со мной кофе? И ты же уже не Лукинская?

Я смотрела на бывшего, не понимая, к чему он клонит. Даже дурацкое желание вдруг появилось соврать. Сказать, что я Лукинская и что у меня нет времени. Вместо этого я произнесла:

– Нет. Я Теплова. И ты вот так просто можешь заставить врача, к которому не сразу по записи попадёшь, перенести приём?

По правде говоря, это был риторический вопрос. Я уже каким-то чутьём понимала, что Матвей Сибиряков здесь не последний человек.

– Угу. Могу. Заведующих у меня обычно слушаются.

Он, так и продолжая хмурить брови, что-то написал в смартфоне и, отправив сообщение, сосредоточил всё своё внимание на мне. Теперь на лице Матвея была искренняя, полная неподдельной радости улыбка.

– Ну, выпьем кофе? – повторил он своё предложение.

– А у меня разве есть выбор? – вскинула я брови, впрочем, не удержавшись от ответной улыбки.

Рядом с Сибиряковым мне было как-то... уютно. Давно я не испытывала этого чувства. Даже когда жила с мужем и мне казалось, что моё существование – совершенно безоблачно.

– Выбора нет, – озвучил мой приговор Матвей и, кивнув в сторону лифта, добавил: – Идём ко мне в кабинет.

Наш путь занял от силы минуты две, которые мы провели в абсолютном молчании. Я шла подле Сибирякова, бросала на него взгляды искоса и гадала о том, зачем он всё же выказал мне чуть больше внимания, чем обычным пациентам.

Нет, конечно же, я вполне могла причислить себя к тем, кто имел для Матвея какое-то значение. Но совершенно не представляла себе, о чём мы с ним станем говорить.

– Жена настояла, чтобы у меня была эта машина-зверь, – ошарашил меня Сибиряков, кивнув мне на диванчик, на котором я и устроилась.

Сам же подошёл ко внушительной кофемашине, возле которой и начал «колдовать».

– Ты женат? – зачем-то уточнила я очевидное, после чего, ступешавшись, опустила голову и усмехнулась собственной глупости: – Прости, само вырвалось.

Матвей же обернулся и посмотрел на меня так, что я пожалела о невозможности тотчас провалиться под землю.

– Женат. И тебе не за что извиняться.

Он сделал кофе и, подойдя ко мне, протянул чашку. Странно, но именно в этот момент у меня мелькнула мысль – а можно ли беременным такие напитки? А ведь шла сюда со вполне конкретной целью.

– Рассказывай, как ты, – мягко попросил Сибиряков,

отойдя к столу и опираясь на него бедром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.